

С.Г. Кара-Мурза,

доктор философских наук, профессор

ДОКТРИНЫ ЭКОНОМИКИ КАК ОРУЖИЕ ГИБРИДНЫХ ВОЙН. ОПЫТ XX ВЕКА

Конспект доклада на научно-методологическом семинаре

24 апреля 2018 года

Введение

Наш предмет – состояние России. Но этого коснёмся вскользь, нам надо знать и соседей. Много знания дало в последние годы изучение революций 1917 г.

Мы жили, не изучая партнёров и потенциальных соперников. До 1960-х гг. у населения и государства имелись *неявное знание и практический опыт*, но смена поколений их стёрла. В 1980-е гг. наши влиятельные учёные (обществоведы и гуманитарии) пытались приспособить политэкономия Маркса. Это был тупик: Маркс разработал политэкономия для капитализма.

Антонио Грамши в статье об Октябрьской революции написал:

«Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам

исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться».

(А. Грамши. Революция против “Капитала”, 5 января 1918 г.).

Мы утратили железный занавес, а большинство нашей интеллигенции и политического класса забыли опыт стариков. Так они впали в иллюзию конвергенции с *капитализмом Запада*. Это была ловушка – в метрополию капитализма никого не пускают.

Известный экономист Д.К. Гэлбрейт, посетив в 1990 г. Москву и ознакомившись с доктриной реформ, сказал в интервью «Известиям»:

«Говорящие – а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь – о возвращении к свободному рынку времён Смита, не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить».

Позже, в 1996 г., его сотрудники и эксперты из США, работавшие в РФ, сделали такой вывод:

«Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей её смеси страха и невежества».

(А. Эмсен, М. Интрилигейтор, Р. Макинтайр, Л. Тейлор).

А на Западе уже в 1960-70-х гг. начали изучать себя, эта область назвалась «археология знаний», изучать истоки Запада как цивилизации. Новое время дало науку, доктрины (или парадигмы) нового типа. Так было обновлено древнее познание – *апокалиптика*

(т.е. *откровение, открытие будущего*). Функция предвидения и становления будущего. Сокровенные тексты, культура оракулов и пророков создавали основу общественного сознания. Был создан большой массив документов *целеполагания и проектирования будущего*. **Здесь у нас был провал**, советская и постсоветская апокалиптика деградировала. Без такой функции государство слабеет.

«Мы можем рассматривать в качестве установленного исторического закона, что расы, законодательные системы, институты и социальные классы с неизбежностью обречены на разрушение с того момента, когда они или те, кто их представляет, утратили веру в будущее».

(Известный политолог Роберт Михельс).

Политэкономия – интегральный текст (доктрина), она идёт от Аристотеля. Этот текст соединял науку, предвидение будущего и идеологию. Этот синтез представлял картину *ядра бытия* цивилизации. Это *суперсистема*. В ней проникают друг в друга главные системы: политика, экономика и культура. Из неё можно брать части, но надо иметь в виду остальные части – тогда возникает насыщенный и динамичный образ бытия.

Мы, представляя Запад, часто берём отдельные срезы, но не видим целое – и оно от нас ускользает, и мы ошибаемся. В их замыслах, в их представлениях о нас, в их ценностях и страхах.

Известен их афоризм: Запад – это цивилизация, «которая знает цену всего и не знает ценности ничего». Это частный срез, а сзади – мессианское, иррациональное (духовное) сознание, его не понять, но это сложно.

Для нас важно, что в типе рациональности Запада совершилось то, что немислимо в традиционном обществе – разделение слова и вещи (книга М. Фуко, «Слова и вещи»). Это значит, что в общественном сознании отношения между людьми («слово») могут быть оторваны от отношений человека с вещами материального мира – как это и произошло в политэкономии (в том числе, в «Капитале»). Знак отделился от вещи, как тень от хозяина, стал жить собственной жизнью. Например, возник знак, способный *представлять* все вещи – деньги. Они стали *всеобщим эквивалентом*.

Для нас актуален афоризм: «Война – душа Запада». Эта тема в философии началась с Гераклита. Он сказал: «Все вещи возникают согласно с войной», а затем: «Война – мать всех вещей». Этот постулат разрабатывал Платон: *республика* (т.е. «общее дело») – *война*. А Запад – то место, откуда возникают вещи, рождённые войной.

Эмануэль Северино, философ нигилизма и войны, написал большую статью «Война – душа Запада» (1991), она многое объяснила. Он считает, что Запад как цивилизация начался с Гераклита, Платона и Аристотеля. Образ троянской войны, как модель, не забывался. Платон соединил войну с «*экстремальном безумием*» и *хрематистикой* (политэкономия – наука о *хрематистике*). А Северино добавил, что Маркс объяснил смысл хрематистики как «максимы» войны (слова Платона). Капитализм не может остановиться – над ним довлеет *деструктивный* демиург.

В своей политэкономии Маркс добавил к войне *эволюцию*, о которой неявно сказал Гераклит. Маркс пишет о «Происхождении видов» Дарвина:

«Это – гоббсова *bellum omnium contra omnes*, и это напоминает Гегеля в “Феноменологии”, где гражданское общество предстает как “духовное животное царство”, тогда как у Дарвина животное царство выступает как гражданское общество».

(Письмо Ф. Энгельсу. Соч., т. 30, с. 204).

Классическая политэкономия

Мы рассматриваем доктрины политэкономии Нового времени и западного капитализма. Классическая политэкономия – английская. Ее создатели: Гоббс, Петти, Локк, Адам Смит, Рикардо и Маркс. От неё резко различалась германская («национальная»). Её и другие европейские Маркс назвал «вульгарными».

В 1615 г. был опубликован «Трактат политической экономии», её называли экономической наукой. Это был условный ярлык. В XVII веке наукой стали называть способ беспристрастного, объективного познания. Политическая основа той картины, которую рисует политэкономия, нагружена идеологией и ценностями господствующих общностей. Именно они определяют, какие трактаты соединяются в систему, которая считается *правильной политэкономией*.

Фуко представляет политэкономия как самый яркий пример знания, в которое неразрывно вплетена идеология. Она основывается на постулатах и моделях. Поскольку политэкономия

связана с идеологией, неизбежно *сокрытие* части исходных постулатов и моделей. Действительно, «забвение» изначальных постулатов пришло очень быстро. И сегодня для того, чтобы как-то соотнести экономические модели с ценностями, идеалами, видением мира и человека, приходится произвести целое историческое исследование по реконструкции исходных постулатов. Чтобы понять политэкономия, нужно произвести её *демистификацию* и анализ её истоков.

Дуализм западной политэкономии в принципе отвергался русскими философами, они отрицали статус политэкономии как *науки*. Вл. Соловьев видел даже *трагедию политэкономии*. С.Н. Булгаков назвал свой трактат «Философия хозяйства».

Трактаты, подобные политэкономии, были с древности – до капитализма. Большие тексты были в античности, в Китае и Японии, а К. Леви-Стросс сказал в своей «Структурной антропологии»: «Чтобы определить, был ли политический режим инков социалистическим или тоталитарным, было исписано море чернил. В любом случае, этот режим выражался через самые современные формулы и на несколько веков опередил европейские феномены того же типа». Это важная история!

Главные шаги политэкономии

Первый камень в основание политэкономии заложила Реформация. Второй «корень» политэкономии – научная революция XVII в. Первый шаг – антропология, модель человека.

Буржуазное общество было основано на концепции человека-атома (*индивид* – на латыни означает «неделимый»), то есть по-

гречески *атом*). Каждый человек является неделимой целостной частицей человечества. В этом и состоит сущность *либерализма*. Индивид (атом) в мировоззренческом плане есть сущность механистическая – аналог «*материальной точки*» в механике. Политэкономия, подобно механике, предполагала наличие «невидимой направляющей руки рынка» (сейчас говорят «магия рынка»).

Гоббс развил важный и поныне для буржуазного общества миф о человеке как эгоистическом и одиноком атоме, ведущем свою войну – *войну всех против всех*. Левиафан ввёл в законные рамки конкуренцию – как особую *войну*. ***Основа политэкономии – война***.

Второй шаг: теория гражданского общества.

Родоначальник Гоббс вводит такой постулат:

«Следует признать, что происхождение многочисленных и продолжительных человеческих сообществ связано... с их взаимным страхом». Люди переживают страх быть побеждённым в конкуренции – она стала формой гражданской войны. При этом страх должен быть *всеобщим*. Кроме того, должно существовать *равенство в страхе*. Гоббс пишет: «Когда же частные граждане, т.е. подданные, требуют свободы, они подразумевают под этим именем не свободу, а господство». Он ещё добавил: «Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее подавляя других, чем объединяясь с ними».

Дж. Локк разработал концепцию *гражданского общества*. Суть её в том, что люди западной цивилизации делятся на две категории – на *собственников* (пропъетариев) и *пролетариев* (тех, кто не

имеет ничего, кроме своего потомства – *prole*). В этой модели пролетарии живут в состоянии, *близком к природному*, а собственники объединяются в гражданское общество – *Республику собственников*. По словам Локка, «главная и основная цель, ради которой люди объединяются в республики и подчиняются правительствам – сохранение их собственности».

Гражданское общество уравновешено войной с неимущими. Читаем в фундаментальной многотомной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах:

«Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наёмный труд и зарплата – собственности и капиталу. Демократическое государство – исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией. Начиная с революции 1848 г. устанавливается правительство страха: те, кто не имеет ничего, кроме себя самих, как говорил Локк, не имеют представительства в демократии. Поэтому гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как “народ” утверждается через революцию, а политическое право – собственностью. Поэтому такая демократия означает, что существует угрожающая “народу” масса рабочих, которым нечего терять, но которые могут завоевать всё. Таким образом, эта демократия есть ничто иное как холодная гражданская война, ведущаяся государством».

Но политэкономия генерировала войны *на всей земле*, и даже в метрополии капитализма. О. Шпенглер подчеркнул специфику английского капитализма:

«Английская хозяйственная жизнь фактически тождественна с торговлей, с торговлей постольку, поскольку она представляет культивированную форму разбоя. Согласно этому инстинкту всё превращается в добычу, в товар, на котором богатеют... Властное слово “свободная торговля” относится к хозяйственной системе викингов... Становится понятен Адам Смит с его ненавистью к государству и к “коварным животным, которые именуются государственными людьми”. В самом деле на истинного торговца они действуют, как полицейский на взломщика или военное судно на корабль корсаров».

(О. Шпенглер. Пруссачество и социализм).

В политэкономии представление о *бесконечности* мира преломилось в постулат о *неисчерпаемости* природных ресурсов. Уже поэтому природные ресурсы были исключены из рассмотрения классической политэкономией как некая «бесплатная» мировая константа, экономически нейтральный фон хозяйственной деятельности. Это дало право капитализму отбирать везде природные ресурсы – землю и недра.

Так Запад покрыл почти всю планету войнами с целью захватить природные богатства, поскольку они бесплатные. Это повторяли три века – от Гоббса до Маркса:

«Бог предоставил [минералы] свободно, расположив их на поверхности лица Земли; поэтому для их получения

необходимы лишь работа и трудолюбие [industria]. Иными словами, изобилие зависит только от работы и трудолюбия людей, с милостью Божьей»

(Т. Гоббс).

«Природные богатства неисчерпаемы, поскольку в противном случае мы бы не получали их даром. Поскольку они не могут быть ни увеличены, ни исчерпаны, они не представляют собой объекта экономической науки».

(Ж-Б. Сэй, 1830).

«Силы природы не стоят ничего; они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости».

(К. Маркс, 1861).

Локк разработал презумпцию естественного права *цивилизованного* государства («гражданского общества») вести войну с *варварской* страной, захватывать её территорию, экспроприировать достояние (в уплату за военные расходы) и обращать в рабство её жителей. Так были легитимированы рабовладение и работорговля в XVI-XIX вв. Политэкономия помогла «рационально» подтвердить представления о «варварах» как *не вполне людях*. И эти войны были *гибридные*.

Начало *классической политэкономии* было связано с войной в Ирландии. Уильям Петти получил подряд на обмер и оценку земель в Ирландии для их экспроприации и наделения участками солдат армии Кромвеля. На участке выращивали траву и взвешивали скошенное сено. Этот труд – индикатор рентабельности участка. Этот труд имел большой успех среди капиталистов. Формулу Петти

«Труд – отец богатства, а земля – его мать» повторяли больше века. Так была создана *трудовая теория стоимости*, важный блок политэкономии.

Требовалась доказать право на приватизацию общинных земель и захваты земли аборигенов. В Америке было тотальное присвоение земель индейских племён с военной силой (и с геноцидом). Неводеланные охотничьи угодья и пастбища индейцев отбирали, опираясь на принцип римского права *res nullius* (принцип «пустой вещи»). Он гласил, что неводеланная земля есть «пустая вещь» и переходит в собственность государства, которое передает её тому, кто готов её использовать.

А создать *теорию собственности*, дающей право на сгон индейцев, поручили Локку. Он взял за основу трудовую теорию собственности, разработанную Петти в Ирландии, и дополнил её таким новшеством: труд, вложенный в землю, определяется ценой участка на рынке. Земля у индейцев не продавалась, а давалась бесплатно, дарилась или обменивалась на ценности, «в тысячу раз меньшие, чем в Англии». Значит, индейцы в неё не вкладывали труда и не *улучшали* её. Значит, англичане хозяйничают лучше, ибо они *улучшают* землю. Так возникло новое право собственности: земля принадлежит *не тому, кто её обрабатывает, а тому, кто её изменяет* (увеличивает её стоимость).

Таким образом, в политэкономии труд оценивается не натуральными индикаторами, а величиной суммы денег, которую на рынке дают за этот труд. В Докладе Всемирного экономического форума в Давосе 1994 г. «*The World Competitiveness Report. 1994*» это подтвердили.

Сгон крестьян с общинных земель привёл к дефициту рабочей силы пролетариев. Корабли стали нападать на побережья южных морей, захватывать земли и пригодных для работ людей в рабство. Это быстро стало огромным экономическим промыслом – посредством тотального геноцида, опия, информационных и психологических войн.

Итак, развитие хозяйства капиталистического Запада стало возможным «посредством прямого или косвенного разрушения» хозяйства Третьего Мира (в период между XVI и XIX вв.). Но это не было включено в политэкономии ни А. Смита, ни К. Маркса – это было *скрыто*. Если из модели исключён принципиальный фактор, эту модель нельзя считать научной и, тем более, считать теорией. Это идеологический документ, который фальсифицирует реальность рынка и картину мира населения и Запада, и разрушенных стран, и образованных слоёв незападных стран, принявших европейское образование и стремится в западную цивилизацию.

Интересный казус. Кредо английской политэкономии – *свободный работник и свободный рынок*. Это движение буржуазии называлось *либерализм* (от лат. *liberalis* – «свободный»). Это название возникло (1720) в требованиях частных работорговцев освободить их от контроля. Успех работорговли показал, что государственное регулирование надо отменять. Так появился термин «*laissez faire, laissez passer*», т.е., «*позвольте делать, позвольте идти своим ходом*».

Позже экономисты стали добиваться принципа *laissez-faire* и для других рынков, понятие стало общеизвестным. Позже стали не

вспоминать, что работорговля стала первым примером *свободного рынка*. Но иногда вставят: «Как ни парадоксально, отцы-основатели *laissez-faire* видели в работорговле подтверждение значимости свободы».

Политэкономия деформировала образ народного хозяйства. Так, классическая политэкономия отбрасывала такую хозяйственную сферу Британии и США, как работорговля и производство хлопка силами рабов – а «к 1815 году внутренняя работорговля стала основным видом экономической деятельности в Соединенных Штатах; это продолжалось до 1860-х годов».

Империализм и политэкономия

В XIX в. империализм развил политэкономия А. Смита: изъятия ресурсы из стран периферийного капитализма позволили предпринимателям и государствам делиться доходами с рабочими. Это уже не просто свободный рынок рабочей силы, а дележ добычи от колоний и полуколоний в социальной системе. Вот утверждения экономистов и политиков:

«Господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными».

(Экономист Дж. А. Гобсон).

«Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами».

(С. Родс).

Перед I Мировой войной началось важное направление – социологии войны. Этим занимались такие учёные, как Вебер в Германии и Веблен в США. Является общепринятым, что разные общественные группы в разной степени склонны к военным методам разрешения конфликтов. И эмпирические наблюдения, на которых основан этот вывод, подкреплены историческим и логическим анализом.

Признано, что само становление современного капитализма, для которого была абсолютно необходима экспансия – овладение источниками сырья и рынками сбыта – было сопряжено с длительными крупномасштабными войнами. Эти войны были связаны с захватом колоний, подавлением или уничтожением местного населения, войной между самими колонизаторами за контроль над территориями и рынками, захватом и обращением в рабство больших масс людей в Африке и т.д. Все эти войны стали частью процесса формирования *буржуазии*. В её мышлении военный способ достижения целей занимает важное место.

Именно в буржуазной культуре естественный человек представлен как существо, ведущее «войну всех против всех». Более того, в смягченной форме идея военного решения конфликтов лежит в основе концепции деловой конкуренции и торговых войн. Как говорят, *буржуазия – агент войны*.

Эта культурная особенность складывалась в течение длительного времени. Вначале это была свойственная феодалам привычка к *набегам* как способу демонстрации силы, в то время как для буржуазии более важны виртуальные набеги в виде торговых агрессий и денежных спекуляций. **Эту сторону мы не изучали.**

Запад посредством войн, новых структур, новой науки и техники смог добиться *деиндустриализации* больших стран, даже в тех, где развивался капитализм на основе своих культур.

В XVIII в. Китай был первой экономической державой и в 1750 г. производил 32,8% мировой промышленной продукции, а к концу XIX в. был на грани депопуляции. Англия посредством военной силы заставила Китай раскрыть его хозяйство. Точно так же стоит подумать, почему Индия «в конце XVIII века производила столько же стали, сколько вся Европа, и британские инженеры в 1820 г. изучали более передовые методы индийских сталелитейных заводов», а уже к середине XIX в. тяжёлая промышленность Индии была ликвидирована?

(Хомский Н. Прибыль на людях).

В 1750 г. Индия производила 25% мировой промышленной продукции – больше, чем вся Европа (доля Англии составляла 1,9%). А к 1900 г. доля Индии уменьшилась до 1,7%. И дело не в том, что резко выросло производство на Западе. В самой Индии за это время производство промышленной продукции на душу населения сократилось в 7 раз – вот в чём дело! Колонизация и насильственное раскрытие индийского рынка привели к быстрой деиндустриализации Индии. Абсолютное сокращение промышленного производства в Индии произошло скачкообразно – в 2 раза с 1830 по 1860 г.

(Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000).

Захваты, пространство, природные ресурсы, рынки и сознание продолжают

Список военных операций США по всему миру с начала XX в. известен. Война предусмотрена в политэкономии.

Недавно было хорошо сказано о связи политэкономии с войной:

«Невидимая рука рынка никогда не окажет своего влияния в отсутствие невидимого кулака. МакДональдс не может быть прибыльным без МакДоннел Дугласа, производящего F-15. Невидимый кулак, который обеспечивает надёжность мировой системы благодаря технологии Силиконовой долины, называется Вооруженные силы наземные, морские и воздушные, а также Корпус морской пехоты США».

(Т. Фридман, советник Мадлен Олбрайт).

Надо помнить короткую формулу:

«Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... Капитализм вовсе не мог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда».

(Ф. Бродель).

Как получали чужой труд? Посредством *целой систем войн*. В таких условиях историки экономики и социальные философы с середины XX в. начали развивать такие новые области, как, например, «структуры повседневности» (Ф. Бродель), «археология знания» (М. Фуко), «клиометрия» (Л.В. Милов, Р. Фогель).

Сейчас кризисы вынуждают Запад активизировать свою «душу» – войну, «экстремальное безумие» и хрематистику. Логику этих войн сознательно архаизируют – до Средних Веков. Ещё в Древнем Риме для оправдания его экспансии сложились понятия законной (справедливой) войны (*bellum justum*) и «незаконного врага» (*hostis injustus*). В средневековье римские понятия соединили с ветхозаветным понятием «обязательной священной войны», которую ведут против врагов Бога, т.е. против *зла*.

Кант добавил, что «право государства по отношению к *несправедливому врагу* не имеет ограничений». Исходя из этих средневековых категорий, США и стали действовать в конце XX - начале XXI вв.

Так, НАТО совершало бомбардировки Югославии в 1999 г. без мандата ООН, а в 2003 г. вторжение США в Ирак, также без мандата ООН. В последние годы США с союзниками предприняли военную интервенцию в Ливию, а затем создали условия для прокси войны (т.е. война чужими руками) в Сирии. Во всех случаях военные действия были представлены как войны со *злом*, против незаконного врага, *hostis injustus*. Международное право было отброшено, действовала норма: «право Запада по отношению к *несправедливому врагу* не имеет ограничений». В «однополярном» мире роль жандарма, судьи и палача возлагается на США.

Разобраться с политэкономиями западного капитализма сейчас необходимо чрезвычайно. Надо вспомнить революцию и ошибки наших либералов, и работу 1917 г. С.Н. Булгакова:

«Капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает подчинённость

хозяйства высшим началам нравственности и религии; он есть служение маммоны... Если по духовной природе своей капитализм в значительной мере является идолопоклонством, то по своему общественному значению для социальной жизни он покрыт преступлениями, и история капитала есть печальная, жуткая повесть о человеческой бессердечности и себялюбии».

(С.Н. Булгаков. Христианство и социализм).

Парагвай: разгром первого социализма.

Прокси война Англии

«Чтобы определить, был ли политический режим инков социалистическим или тоталитарным, было исписано море чернил. В любом случае, этот режим выражался через самые современные формулы и на несколько веков опередил европейские феномены того же типа».

(К. Леви-Стросс. Структурная антропология).

Эдуардо Галеано. *Вскрытые вены Латинской Америки*

Фрагмент. Война Тройственного союза против Парагвая: как искореняли опыт независимого развития

Парагвай и Боливия – наиболее отсталые и бедные из южноамериканских государств. Парагвайцы до сих пор страдают от последствий опустошительной войны, вошедшей в историю Латинской Америки как самая постыдная её глава. Она известна как война Тройственного союза. Бразилия, Аргентина и Уругвай устроили тогда настоящий геноцид. Они не оставили здесь камня на камне и практически покончили с мужским населением в Парагвае. Хотя Англия не приняла непосредственного участия в свершении этого чудовищного «подвига», на нём нажились именно британские торговцы, банкиры и промышленники.

Агрессия была финансирована от начала до конца

Лондонским банком, банкирским домом «Бэринг бразерс» и банками Ротшильда на условиях, которые в последующем закабалили и страны-победительницы.

До того, как его превратили в руины, Парагвай представлял собой исключение среди латиноамериканских стран: парагвайцы были единственной нацией, не изуродованной иностранным капиталом. Долгие годы (с 1814 по 1840), железной рукой поддерживая порядок, диктатор Гаспар Родригес де Франсиа растил, словно в инкубаторе, независимую и устойчивую экономику, развивавшуюся в полной изоляции от мира. Государство, имевшее неограниченную власть и проводившее политику патернализма, вытеснило национальную буржуазию, заняло её место и взяло на себя её роль: сформировать нацию, распределить её ресурсы и распорядиться её судьбой. Выполняя задачу подавления парагвайской олигархии, Франсиа опирался на крестьянские массы. Он добился мира внутри страны, установив жёсткий «санитарный кордон» между Парагваем и остальными странами, образовавшимися на территории бывшего вице-королевства Ла-Плата. Экспроприация, ссылки, тюрьмы, преследования и денежные штрафы – всё это было пущено в ход не для того, чтобы упрочить господство землевладельцев и торговцев в стране, а, наоборот, для его ликвидации.

В Парагвае отсутствовали, да и потом не появились, какие бы то ни было политические свободы и оппозиции, но в тот исторический период только те, кто потерял былые привилегии, тосковали по демократии. Когда Франсиа умер, в стране не было крупных частных состояний, и Парагвай был единственным

государством в Латинской Америке, не знавшим нищенства, голода, воровства; путешественники находили здесь оазис спокойной жизни посреди континента, сотрясаемого бесконечными войнами. Побывавший здесь североамериканский агент Гопкинс в 1845 г. информировал своё правительство о том, что в Парагвае «нет ни одного ребёнка, не умеющего читать и писать...».

Это была единственная страна, взор которой не был прикован к заморским берегам. Внешняя торговля не стала здесь стержнем национальной жизни; доктрине либерализма, которая идеологически соответствовала потребности в создании мирового капиталистического рынка, нечем было ответить на вызов Парагвая, брошенный им в начале прошлого века, – страны, вынужденной развиваться в изоляции от других наций. Уничтожение олигархии позволило государству взять в свои руки основные рычаги экономики и последовательно проводить политику автаркии, замкнувшись в своих границах.

После Франсиа правительства Карлоса Антонио Лопеса и его сына Франсиско Солано Лопеса продолжили и развили дело своего предшественника. Страна переживала экономический подъём. Когда в 1865 г. на горизонте появились агрессоры, в Парагвае уже имелась телеграфная связь, железная дорога и немалое число фабрик по производству строительных материалов, тканей, пончо, бумаги, красок, фаянса, пороха. Двести иностранных специалистов, получавших хорошее жалованье из государственной казны, оказывали стране активную помощь. С 1850 г. на литейном заводе в Ибикуе производились пушки, мортиры и ядра всех калибров; в арсенал города Асунсьон поступали бронзовые пушки, гаубицы и

ядра. Чёрная металлургия, так же как и другие основные отрасли промышленности, находилась в руках государства. Страна располагала собственным торговым флотом, а некоторые из тех кораблей, что ходили под парагвайским флагом по реке Парана, через Атлантику или по Средиземному морю, были построены на судовой верфи в Асунсьоне.

Государство монополизировало внешнюю торговлю: юг континента снабжался мате и табаком, а в Европу экспортировались ценные породы древесины. Положительное сальдо торгового баланса было неизменным. Парагвай имел устойчивую национальную валюту и располагал достаточным богатством, чтобы делать крупные капиталовложения, не прибегая к иностранной помощи. У страны не было ни одного сентаво иностранного долга, однако она была в состоянии содержать лучшую армию в Южной Америке, заключать контракты с английскими специалистами, которые предоставляли стране свои услуги вместо того, чтобы заставлять её служить им, англичанам, а также посылать в Европу учиться и совершенствовать свои знания парагвайских студентов. Прибыль, которую давало сельскохозяйственное производство, не проматывалась попусту и не тратилась на бессмысленную роскошь, не попадала ни в карман посредников, ни в цепкие лапы ростовщиков, ни в графу прихода британского бюджета, – графу, которая за счёт фрахта и пропусков подкармливала Британскую империю.

Империализм, как губка впитывавший богатства других латиноамериканских стран, здесь был лишён такой возможности. В Парагвае 98% территории составляло общественную

собственность: государство предоставило крестьянам наделы земли в обмен на обязательство обживать их и постоянно обрабатывать эти участки без права продажи. Существовали к тому же 64 «поместья родины», то есть хозяйства, которыми непосредственно управляло государство. Ирригационные работы, строительство плотин и каналов, новых мостов и дорог во многом способствовали подъему сельскохозяйственного производства. Вновь, как в былые доколониальные времена, здесь стали собирать по два урожая в год. Всему этому творческому процессу, без сомнения, способствовали традиции, оставленные деятельностью иезуитов.

Парагвайское государство проводило политику протекционизма по отношению к национальной промышленности и внутреннему рынку самым ревностным образом, особенно с 1864 г.; реки страны были закрыты для британских судов, заваливших изделиями манчестерских и ливерпульских мануфактур все остальные страны Латинской Америки. Торговые круги Англии испытывали беспокойство не только потому, что в самом центре континента оказался неуязвимым этот последний очаг национальной независимости, но особенно по той причине, что парагвайский опыт был убедительным и опасным примером для соседей. Самая передовая страна Латинской Америки строила своё будущее без иностранных капиталовложений, без займов английского банка и не прося благословения у жрецов свободной торговли.

Но по мере того, как Парагвай шёл вперед по избранному им пути, всё острее становилась необходимость выйти из добровольного заточения. Промышленное развитие требовало более широких и прямых контактов с мировым рынком, особенно

со странами, производящими передовую технику. Парагвай был зажат между Аргентиной и Бразилией, которые вполне могли задушить его, сдавив горло его рек и наложив любую непосильную пошлину на транзит его товаров. Именно так и сделали Ривадавия и Росас. С другой стороны, стремление упрочить власть олигархии в этих государствах вызвало острую необходимость покончить с опасным соседством со страной, которая умудрялась сама себя обеспечивать и не желала преклонять колени перед британскими торговцами.

Во время пребывания в Буэнос-Айресе английский министр Эдвард Торнтон принял активное участие в подготовке войны. Накануне её он присутствовал в качестве советника на заседаниях правительственного кабинета, сидя рядом с президентом Бартоломе Митре. Под его неусыпным надзором плелась сеть провокаций и клеветы; кульминацией явилось подписание аргентино-бразильского пакта, это был смертный приговор Парагваю. Венансио Флорес вторгся в Уругвай, поддержанный обоими сильными соседями, и после бойни в Пайсанду создал в Монтевидео своё правительство, которое стало действовать по указке Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса. Так был образован Тройственный союз.

До этого президент Парагвая Солано Лопес угрожал начать войну, если будет организовано вторжение в Уругвай. Он хорошо знал, что в таком случае на горле его страны, загнанной в угол самой географией и врагами, сомкнутся железные клещи. Правда, историк либерального толка Эфраим Кардосо считает, что Лопес бросил вызов Бразилии просто потому, что обиделся: он мол,

просил руки одной из дочерей императора, а тот ему отказал. Началась война. И была она делом рук вовсе не Купидона, а Меркурия.

Печать Буэнос-Айреса называла парагвайского президента «Аттилой Америки». «Нужно раздавить его, как гадину!», – призывали газеты в редакционных статьях. В сентябре 1864 г. Торнтон послал в Лондон подробное секретное донесение. Оно было отправлено из Асунсьона. Он описывал Парагвай, как Данте – ад, однако не забыл расставить нужные акценты: «Ввозные пошлины почти на все товары составляют от 20 до 25% ad valorem; но поскольку эта стоимость определяется исходя из текущих цен на товары, размеры пошлины достигают 40-45% цены по накладной. Вывозные пошлины составляют от 10 до 20% стоимости...».

В апреле 1865 г. английская газета «Стандард», выходящая в Буэнос-Айресе, уже праздновала объявление Аргентиной войны Парагваю, президент которого «нарушил все общепринятые нормы цивилизованных стран», и заявляла, что шпагу президента Аргентины Митре «в её победном марше за правое дело осенит не только былая слава, но и могучая поддержка общественною мнения». Союз с Бразилией и Уругваем был заключен 10 мая 1865 г.; условия этого соглашения были опубликованы в печати годом позже – их изложила британская «Таймс»; эти данные газета получила от банкиров, предоставлявших кредиты Аргентине и Бразилии. В договоре будущие победители заранее делили добычу. Аргентина прибирала к рукам всю территорию Мисьонес и огромную провинцию Чако; Бразилия присваивала огромные пространства к западу от своих границ. А Уругваю, находившемуся

под властью марионетки этих двух держав, ничего не перепало. Митре заявил, что войдёт в Асунсьон через 3 месяца.

Но война продолжалась 5 лет. Это была настоящая резня. Парагвайцы упорно защищали свои позиции, цепляясь за каждую пядь земли у реки Парагвай. «Ненавистный тиран» Франсиско Солано Лопес повёл себя героически и выражал народную волю, призывая к защите родины; парагвайский народ, полвека не знавший войн, боролся под его знамёнами не на жизнь, а на смерть. Мужчины и женщины, дети и старики – все сражались как львы. Раненые, попадавшие в плен, срывали с себя бинты, чтобы их не заставили воевать против братьев. В 1870 г. Лопес повёл свое войско, похожее уже на сонмище призраков, – стариков и мальчишек, надевавших фальшивые бороды, чтобы издали казаться врагам старше, – в глубь сельвы. Захватчики, готовые всех вырезать, штурмовали развалины Асунсьона.

Парагвайского президента сначала ранили из пистолета, а затем добили ударом копья в лесной чаще на горе Кора. Перед смертью он воскликнул: «Я умираю вместе с моей родиной!». Это была чистая правда. Парагвай умирал вместе с ним. Незадолго до этого Лопес приказал расстрелять собственного брата и епископа, которые шли с ним в этом караване смерти, лишь бы они не попали в руки врагов. Захватчики, пришедшие «освободить» парагвайский народ, просто истребили его. В начале войны население Парагвая было почти таким же, как и население Аргентины. В 1870 г. в живых осталось 250 тыс. парагвайцев, то есть меньше одной седьмой. Таким был триумф цивилизации.

Победители, разорённые расходами, которые им пришлось понести, чтобы довести до конца это преступление, оказались в полной зависимости у английских банкиров, финансировавших кровавую авантюру. Рабовладельческая империя Педру II, армия которой пополнялась за счёт рабов и пленных, всё же захватила более 60 тыс. кв. км территории Парагвая, а также получила большое количество рабочей силы – множество пленных с клеймом рабов были отправлены на кофейные плантации в Сан-Паулу. Аргентина, в которой президент Митре расправился с собственными федеральными предводителями, присвоила себе 94 тыс. кв. км чужой земли и другие трофеи. Сам Митре так писал об этом: «Пленных, и другую военную добычу мы поделим согласно договору».

Уругвай, где уже исчезли или пребывали в опале последователи Артигаса и где властвовала олигархия, участвовал в войне как младший партнёр, не получив какого-либо вознаграждения. Многим уругвайским солдатам вынуждены были связывать руки, когда их сажали на корабли, направлявшиеся на войну против Парагвая. Все три страны потерпели финансовый крах, усиливший их зависимость от Великобритании. Кровавая расправа с Парагваем наложила несмываемую печать на дальнейшую судьбу этих стран.

Бразилия выполняла роль, которую Британская империя отвела ей ещё в те времена, когда англичане перенесли португальский трон в Рио-де-Жанейро. В начале XIX в. Каннинг дал своему послу, лорду Стренгфорду, недвусмысленные инструкции: «Превратить Бразилию в основную базу для реализации продукции английских мануфактур в Латинской Америке». Незадолго до начала войны

президент Аргентины открыл новую железную дорогу, оборудованную англичанами, и произнес по этому поводу пламенную речь: «Какова движущая сила этого прогресса? Господа, это английский капитал!».

Мало того, что разгромленный Парагвай обезлюдел: исчезли таможенные пошлины, погасли плавильные печи, реки открылись для свободной торговли, страна потеряла экономическую независимость и огромные территории. А на тех землях, что остались Парагваю, победители ввели право на беспошлинную торговлю и учреждение латифундий. Всё было разграблено и распродано: земли и леса, шахты, плантации мате, здания школ. Марионеточные правительства, подчинявшиеся оккупантам, сменяли в Асунсьоне друг друга.

Не успела закончиться война, как Парагвай, в котором ещё дымились руины, получил первый в его истории иностранный заем. Он был британский, разумеется. Заем был в миллион фунтов стерлингов, но Парагваю досталось меньше половины; а в последующие годы благодаря финансовым перерасчётам размеры внешнего долга страны уже перевалили за 3 млн. Когда в Китае в 1842 г. закончилась «опиумная» война, тут же в Паникине был подписан договор о свободной торговле, обеспечивший британским коммерсантам право свободного ввоза наркотиков на китайскую территорию. Введение свободной торговли в Парагвае также было навязано сразу же после его разгрома. Были заброшены посеы

хлопчатника, а Манчестер добил текстильную промышленность страны – ей уже никогда не суждено было подняться.